

главным образом, крымских татар. Но последние, как показывают результаты мониторинговых социологических опросов в Крыму, боятся не меньше того же, но уже со стороны местного населения – русских и украинцев [4].

В условиях понимания важности межнациональных отношений как внутри национальных государств, так и в целом на постсоветском пространстве, возникает необходимость выработать подходы по укреплению межгосударственных и межнациональных отношений и создать единое культурно-образовательное пространство, являющееся интегратором в межнациональном общении. У подрастающего поколения необходимо формировать уважение к другим народам и культурам, готовность к деловому сотрудничеству и взаимодействию, совместному решению общечеловеческих проблем; нужно научить уважать любого человека, представителя иной социокультурной группы; стимулировать желание познавать разные культуры; формировать толерантность к этническим культурам, учить предотвращать или творчески преодолевать конфликты. Необходимо формировать знания, умения и навыки поведения толерантного, принимающего, позитивно-активного в отношениях с другими расами, этносами, народами, нациями.

Таким образом, проблемы межнациональных отношений уходят корнями в проблемы формирования культуры личности, как гармоничного единства физического, интеллектуального, нравственного и духовного развития. В этих условиях остро стоит задача формирования культуры межнациональных отношений в школе, в семье, в обществе в целом. Эту функцию берет на себя в полной мере национальное и межнациональное культурно-образовательное пространство.

Список литературы: 1. Кордонский С. Г. Нации как государственные институты // Филос. науки. – 1990. – № 8. – С. 52. 2. Рукавишников В. О. и др. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социол. исслед. – 1992. – № 3. – С. 18. 3. Губогло М. Н. Этнографическая и языковая ситуация в столицах союзных республик в СССР в конце 80-х – начале 90-х годов // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 55. 4. Кольцов В. Б. Социальная дистанция в межнациональном общении: опыт построения интегрального показателя // Социологические исследования. – 1989. – № 2. – С. 26–29.

*Непипенко Л.П.
г. Харьков, Украина*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ В ПОЛТИКО-КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Фрагментация и плюрализация общественно-политической жизни актуализирует проблему консолидации общества, выбора оптимальной модели государственного строительства с учетом состояния и особенностей политической культуры Украины, взаимосвязи этнических и религиозных факторов в политикокультурном развития.

Вследствие глубоких интеграционных и миграционных процессов, смешения разных этносов, взаимодействия разных культур, многозначности и многовариантности культурных ситуаций сформировались современные этнически гетерогенные общества.

Учет этнического фактора при изучении современного социума нуждается в его структурировании, для чего используются следующие понятия – «этническая структура» и «этнический состав» общества, которые нельзя отождествлять и отторгать одно от другого [1, С. 116–121]. Если *этнический состав общества* означает статистический

показатель распределения и количественного соотношения этнических сообществ и групп, которые через постоянные взаимосвязи образуют этническую систему, то *этническая структура*, будучи категорией этнической социологии, обозначает правила (обоснованные критерии) теоретического упорядочения структуральных свойств этнических систем [1, С. 121].

По результатам Всеукраинской переписи населения (декабрь 2001 г.) *этнический состав* страны предстает таким: из 48 млн. 457 тыс. жителей Украины этнические украинцы составляли 77,8% – 37 млн. 541 тыс. Самым многочисленным этническим меньшинством остаются русские – 17,2%. При этом их численность за последнее десятилетие сократилась на четверть (с 11 млн. 356 тыс. на 1989 г. до 8 млн. 334 тыс. на 2001 г.). Для Украины остаются «традиционными» этническими меньшинствами белорусы – 275,8 тыс., молдаване – 258,6 тыс., крымские татары – 248,2 тыс., болгары – 204,6 тыс., венгры – 156,6 тыс., поляки – 144,1 тыс., евреи – 103,6 тыс., армяне – 99,9 тыс., греки – 91,5 тыс., цыгане – 47,6 тыс., немцы – 33,3 тыс., гагаузы – 31,9 тыс., словаки – 6,4 тыс. лиц. За десять лет (1991–2001 гг.) значительно выросла численность относительно новых для Украины этнических меньшинств – азербайджанцев, грузин, корейцев, узбеков, чеченцев, чувашей, мордвы, казахов, осетин и др. Кроме этого переписью было выявлено совсем новые для Украины этносы арабов, афганцев, китайцев, вьетнамцев, индусов, пакистанцев, курдов, персов и др. Были зафиксированы как представители развитых стран – США, Канады, Франции, Великобритании, Испании, Италии, Австрии, Голландии, Финляндии, Японии и др., так и представители многих малочисленных этносов, прежде всего из России. При этом выяснилось, что преобладающая часть таких русских этносов, как ороки, левы и ижорцы, сосредоточены в Украине [1, С. 122].

Этническая структура украинского общества с точки зрения способности к нациообразованию состоит из: 1) украинцев как коренного и титульного этноса; 2) этнических меньшинств; 3) этнических маргиналов [Там же].

Украинский титульный этнос внутренне дифференцирован, в нем есть несколько этнографических групп, в частности – группы Карпатского региона (лемки, бойки, гуцулы), группы Украинского Полесья (полищуки, литвины) и прочие, которые сохраняют самоназвание и представление о своем отличии и самобытности. Так, Всеукраинская перепись 2001 г. зафиксировала самоидентификацию представителей некоторых украинских субэтносов, как отдельных и отличных от украинского этносов. Среди них: гуцулы – 21,4 тыс. чел., русины – 10,2 тыс., лемки – 672 чел., бойки – 136 чел., литвины – 22 чел., полищуки – 9 чел. [1, с. 124].

Сообщества этнических меньшинств включают в себя две группы – коренную и диаспорную, которые, в свою очередь, также являются структурированными. Так, часть автохтонных (коренных) этнических меньшинства Украины имеет свои этнические земли (этническую родину) в пределах страны (крымские татары, крымчаки, караимы), другие – составляют лишь часть определенного этноса. Такими есть гагаузы, разделенные между Молдовой и Украиной. Диаспорные этнические меньшинства это, во-первых, такие, которые имеют вне границ Украины и этническую родину, и созданную одноименным этносом нацию-государство (россияне, поляки, венгры, румыны): во-вторых, те, которые имеют вне границ Украины этническую родину с безгосударственным одноименным этносом (например, ижорцы в Украине); в-третьих, такие, которые не имеют нигде в мире определенной этнической родины (такими есть цыгане).

Исходя из вышеуказанного понятие «украинская нация» является не этнонимом, а политонимом, поскольку охватывает не только украинцев, а и представителей всех этносов, т.е. всех граждан, которые живут на территории Украины.

Этническими маргиналами являются люди, которые в значительной мере утратили признаки своей этничности и не приобрели в достаточной степени признаков новой этничности. В русскоязычных Востоке и Юге Украины маргинальный статус имеют недавние выходцы из украиноязычных сел. В этномаргинальном состоянии находятся представители этнодисперсных групп, которые через распыленность среди коренного этноса постепенно начинают терять свои бывшие этнические черты. Еще больше это касается одиночных носителей черт некоренного этноса, «вкрапленных» в коренной этнос. Определённым образом этнической маргинализации содействует рост межэтнических браков. При этом, развитие собственной государственности активизировали процессы ремаргинализации и реидентификации представителей разных этнических меньшинств Украины, а также части украинцев по происхождению как на территории страны, так и за ее пределами.

Историческое прошлое и объективные реалии настоящего делают практическое решение этнической и национально-государственной проблематики для Украины как молодого государства неотложным и очень сложным. Так, мониторинг общественной жизни, который с 1992 г. осуществляется Институтом социологии НАН Украины, начиная с 2002 г., фиксирует в современной Украине тенденцию к росту уровня нетерпимости и интолерантности. Это заметно среди таких меньшинств, как крымские татары, американцы, евреи, молдаване, немцы, россияне, румыны, турки, венгры, цыгане (рома) [2, № 3, С. 4–5]. Все чаще в контексте политико-идеологических противостояний артикулируется оценка деятельности исторических фигур, отношение к историческому прошлому, его интерпретация [3, С. 58–66; 4, С. 3–4]. Об этом свидетельствуют выступления и политические спекуляции вокруг мемориалов и памятников Екатерине II в Одессе, С. Бандере – во Львове, князю Потемкину в Николаеве, вокруг таинственного исчезновения Памятного знака воинам УПА в Харькове; кампании, посвященной памяти жертвам голодоморов; вокруг присвоения Президентом В. Ющенко в январе 2010 г. звания Героя Украины С. Бандере и т.п.. Социально-значимые региональные отличия интерпретации истории обусловлены неоднородностью социокультурной среды, политизацией истории, дефицитом культурных репрезентаций образов исторических фигур (от детских книжек, учебников, фильмов до музеев, топонимов и т.д.), что зависит от политической и государственной воли.

Украинское общество предстаёт неоднородным в политическом, социально-экономическом, этнокультурном измерении, с довольно стойкой территориальной идентификацией, многоуровневой структурой региональных интересов и ценностей, особенностями политических субкультур по осям «Восток – Запад», «Север – Юг», что основывается на историко-культурной, поселенческой, географически-хозяйственной, нормативной специфике. Наличие «региональных конфликтных политических субкультур» наглядно демонстрируют парламентские и президентские выборы 1994, 2002, 2004, 2006, 2010 гг. Разные цивилизационные, социокультурные идентификационные системы координат регионов, отсутствие единой идеологии с более или менее сбалансированным (хотя бы на минимальном уровне) сегментом приверженцев во всех регионах фиксируют и результаты социологических опросов граждан Украины [4, С. 12; 5, С. 53–58; 6, С. 159–163; 7, С. 65–68]. В концентрированном виде именно в региональных позициях выявились экономические, социальные, языковые, конфессиональные и геополитические проблемы. В частности, в 2004 и 2006 гг. 65,6% опрошенных в Луганске заявили, что Украина – это государство всех граждан, независимо от их национальной принадлежности (во Льве – 37,5%). Страна видится поликультурным, многоязычным, поликонфессиональным обществом 72,9% жителями Луганска (во Льве – 35,3%),

которая должна соединить всё ценное из наследия царской России и СССР с собственной духовной традицией – 63,1% (Львов – 21%). Приоритеты галичан противоположные. По мнению 58,8% жителей Львова Украина, прежде всего, является государством украинцев, которые заслуживают на определенные преимущества в ней (Луганск – 35,8%). Взгляд, что в Украине должен действовать принцип «одна нация, один язык, одна церковь» доминирует во Льве – 55,5% (Луганск – 22,6%). Для жителей Донецка идеальная страна – это стабильное государство без конфликтов – 33% (Львов – 15%) с высоким уровнем социальной защиты граждан, – 38% (Львов – 18%). Для жителей Львова идеальной видится демократическая Украина с недопустимым ограничением прав граждан – 34% (Донецк – 6%). Это должно быть могущественное государство с лидерскими позициями в мире – 24% (Донецк – 19%) [5, С. 54].

Как видим в Украине на глубинном уровне происходит столкновение разных идентичностей, обусловленных этническими, языковыми, историко-региональными, политическими, ментальными отличиями. При этом суть кризиса национальной идентичности состоит не в потере единого восприятия своей самотождественности и в господстве плюрализма идентичностей, а в отсутствии плюрализма в качестве совместимости позиций и доминировании противоречивых, не связанных между собой элементов самопонимания и самотождественности [8, С. 208]. Отсутствие общепризнанной системы ценностей, которая бы разделялась большинством населения в качестве основ жизнедеятельности общества является фактором дезинтеграции, что отрицательно влияет на функционирование всей системы социальных, экономических и государственных институтов, создает социокультурные механизмы торможения реформ или рестаурации отживших социальных отношений.

В концентрированном виде именно в региональных позициях совпали экономические, социальные, языковые, конфессиональные и геополитические проблемы. Научными работниками отмечается наличие антагонизма между господствующими на Западе страны сциентично-технократическими приоритетами развития и гуманистическо-духовными ценностями, характерными для Востока [9, С. 50]. Если в западном регионе сильны традиции консолидации на национальной почве, превалирует психология индивидуального хозяйствования и предпринимательства, западноевропейские политические и культурные ориентации, подкрепленные семейно-родственными связями, то в центральной и юго-восточной Украине традиции частного предпринимательства значительно нивелированы. Там преобладает сельское население колхозного типа. Города тоже имеют значительную прослойку людей с близкой до крестьянской психологией. В промышленной зоне страны – в юго-восточном регионе и Крыму, где население преимущественно русскоязычное с традиционно-исторической, экономической, политико-культурной, семейно-родственной ориентацией на Россию превалируют политические и социально-экономические ценности рабочего класса.

Анализ политико-культурных реалий современной Украины указывает на наличие разных типов идентичности в понимании права, которое принципиально по-разному воспринимается населением Украины с западной и восточной ментальностью, что обусловлено историческим прошлым разных регионов страны [10]. Если западный тип правопонимания основывается на антропоцентричном, либеральном подходе к праву, которое понимается в аспекте человека «как экспликация личностного начала, внутренне присущих ему нормативно ценностных принципов (прежде всего свободы)», как свобода, реализованная человеком в социуме, то восточный тип подходит к праву исключительно из позиций государства [10, С. 149; 11, С. 51–52]. Наоборот восточная ментальность державоцентрична, т.е. государство представляется первичным относи-

тельно права, как исключительный источник и причина права, отсюда свобода не рассматривается в виде исходной предпосылки жизнедеятельности человека, как нечто изначально присущее индивиду. Понятие права здесь соединено с противоположной свободе необходимостью, как невозможностью самоопределения, неизбежностью подчинения поступков индивида внешним условиям, а именно государству, его законам, даже если они враждебны воли и интересам человека. Тем самым «акцент в понимании права смещается в сторону императивности (властной общеобязательности), принуждения, которое исходит от государства» [10, С. 150].

Многовекторность идентичностей в Украине поддерживается ярко выраженной региональной и политико-культурной спецификой наибольших церквей страны, что вместе с разделением украинского православия также является тормозом консолидации наций, реально угрожает стабильному развитию общества. По мнению специалистов «религиозный фактор в части случаев обуславливает скорее разъединительные, дезинтегративные процессы, чем интегрирующие». Так, раскол в православии, который затрагивает интересы приблизительно 28,5 млн. человек взрослого населения современной Украины, идентифицирующего себя как православных «дифференцирует общество даже больше, чем политические факторы» [12, С. 50]. Следует добавить, что особенности бытия украинского социума создают идеальную почву для проникновения у него «культурно чужих парадигм, внедрению не просто нетрадиционных, а и прямо враждебных мировоззрений» [11, С. 52] через импорт разных религиозных потоков, который чрезвычайно актуализирует проблему сохранения национальной идентичности в политико-культурном измерении. Так проводником и реализатором в Украине русской национальной идеи в её антиукраинском измерении выступает носитель русского православия – Украинская православная церковь МП. С другой стороны почти все протестантские церкви и Римо-Католическая Церковь работают на поддержку глобализации [11, 13, 14].

Именно существующими проблемами идентичности можно пояснить результаты социологического опроса Института социологии НАН Украины, согласно которому почти 73% респондентов считают, что в ближайшие 10 лет страну ожидают жестокие конфликты, а 69,6% – сомневаются или считают маловероятным, что общество станет более человечным и мягким [12, С. 49].

На сегодняшний день разрешение проблемы консолидации украинского общества невозможно без целенаправленных усилий по согласованию и формированию единого смыслового и ценностно-нормативного пространства, без эффективной общенациональной программы объединения усилий государства, церквей, бизнеса, гражданского общества и интегрированию культурной политики в социально-политические и социально-экономические стратегии государственного развития. Тем самым современное состояние украинского общества актуализирует проблему социальной солидарности в глазах общественности, политиков, научных работников, религиозных деятелей, педагогов. Понятие «социальная солидарность» означает состояние общества, или большой социальной общности, которое характеризуется единством ценностей, идей, убеждений, взглядов, интересов, целей, норм, функциональной взаимозависимостью и согласованностью в выступлениях и действиях, связанных с реализацией интересов (достижением целей) данного общества или большой социальной общности [15, С. 155].

Поликультурные практики современности с их комплексом разногласий требуют от личности диалогичности, понимания и уважения к культурной идентичности других людей, преодоления потенциального конфликта ценностей, который становится возможным в контексте межкультурного диалога. По определению Совета Европы это «открытый и преисполненный уважения обмен взглядами между индивидами, группами с разным эт-

ническим, религиозным и лингвистическим происхождением и наследством на основе взаимного согласия». Он осуществляется как постоянный процесс межкультурных контактов, связей, общения и отношений на всех уровнях – в пределах общества, между обществами, между определенным регионом и другим миром, путем обмена информацией, которая оказывает содействие формированию представлений участников межкультурного диалога [2, № 3, С. 5–9]. В Украине к рассмотрению этого феномена одним из первых обратился Институт этнических, региональных и диаспороведческих студий, который в 2001 г. при поддержке ЮНЕСКО организовал международную конференцию «Межрегиональный диалог в Европе: 2001 год и на перспективу».

В пространстве межкультурного диалога чрезвычайно важную интегративную роль играют учебные заведения с их способностью не просто наращивать общеобразовательные и профессиональные знания, но и повышать уровень политической культуры, следовательно – укреплять глубинные предпосылки формирования осознания таких базовых принципов социальной солидарности, как соблюдение прав человека, закона, этнического, расового, тендерного равенства, достоинства, взаимоуважения и взаимопартнерства. Система образования, выполняя фундаментальную роль в сфере национально-патриотического воспитания, формирует принципиальное отношение личности к национально-государственным проблемам. Центральной фигурой здесь выступает личность преподавателей, особенно ведущих специалистов-обществоведов – историков, языковедов, политологов, правоведов и т.п. От их мировоззренческой позиции, знаний и умений непосредственно зависит тип воспитания субъект-субъектной коммуникации и характера влияния на формирование личности, ее мировосприятие, мироощущение, миропонимание. Именно гуманитарные дисциплины играют роль мировоззренческого осмысления бытия, базовых истин мира культуры, фундамента формирования национального самосознания через языковоо-культурно-краеведческий комплекс ценностей и смыслов.

Список литературы: 1. Нельга О. Етнічний склад і етнічна структура суспільства: спроба уточнення понять // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2009. – № 1. – С. 115–126. 2. Євтух В. / Міжкультурний діалог: ефективний конструкт інтегративного розвитку поліетнічних суспільств // Політичний менеджмент. – 2009. – № 3. – С. 3–13; № 4. – С. 14–27. 3. Сорока Ю. Ставлення до минулого // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2009. – № 2. – С. 47–66. 4. Михальченко М. Чи можлива колоніальна політика в соціалістичних федеративних державах? // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4. – С. 3–13. 5. Татаренко Т. Регіональний чинник у формуванні політичної ідентичності // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4. – С. 51–60. 6. Мороз А. Світоглядні орієнтації молоді в контексті євроінтеграційної політики України // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4. – С. 158–164. 7. Пивоваров Ю. Чинники суспільно-політичної активності громадян України в дискурсі «розкол/розмежування» // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4. – С. 61–71. 8. Козловець М. А., Слюсар В. М. Сучасний світовий порядок: від конфліктності до толерантності // Практична філософія. – 2008. – № 1. – С. 205–210. 9. Лутай В. Про філософсько-синергетичну парадигму українського «руху на випередження» // Вища освіта України. – 2005. – № 1. – С. 45–53. 10. Пристенский В. Н. Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права // Социально-гуманитарные знания. 2009. – № 1. – С. 141–152. 11. Павленко П. Імпорт релігійних потоків і національно-релігійні традиції в Україні // Релігійна панорама. – 2010. – № 12. – С. 51–55. 12. Климов В. Проблеми і шляхи толерантизації міжконфесійних відносин // Релігійна панорама. – 2010. – № 12. – С. 49–51. 13. Здіорук С. Перспективи об'єднання православ'я в Україні // Релігійна панорама. – 2010. – № 12. – С. 57–59. 14. Яроцький П.

Православно-католицькі відносини і проблеми їх толентаризації // Релігійна панорама. – 2010. – № 12. – С. 60–61. 15. Урсуленко К. Соціальна солідарність: розвиток поняття в історії соціології та сучасні інтерпретації // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2009. – № 1. – С. 138–157.

*Сунцова Я. С., Харитоновна Л. С.
г. Ижевск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ УДМУРТИЯ

Удмуртская Республика – один из полиэтничных и поликонфессиональных регионов России. На протяжении многих веков территория Удмуртии, географически расположенная в западной части Урала, между реками Кама и Вятка, на границе Европы и Азии, там, где перемежаются леса и степи, являлась ареной активных контактов финно-угорских, славянских и тюркских народов, соприкосновения христианства, ислама и язычества. Здесь особенно интенсивно шло взаимодействие и взаимообогащение самых разных культур [2].

В Удмуртии проживают представители свыше 130 народов, наиболее многочисленными из которых являются: русские, удмурты, татары, украинцы, марийцы. В республике имеются районы компактного проживания татар, марийцев, чувашей и бесермян; последние являются коренным малочисленным народом. В достаточно непростой социально-экономической, этнополитической ситуации, сложившейся в целом по стране на рубеже XX и XXI веков, Удмуртия достойно проявила себя относительной стабильностью. Удмуртская Республика по характеру и состоянию межэтнических отношений относится к наиболее благополучным регионам Российской Федерации.

В понедельник, 26 сентября 2011 года, под председательством премьер-министра Юрия Питкевича состоялось заседание Президиума Правительства Удмуртской Республики. Кабинет министров утвердил Концепцию республиканской целевой программы «Гармонизация межэтнических отношений, профилактика экстремизма и терроризма в Удмуртской Республике» на 2012–2014 годы [1].

Как сообщил министр национальной политики УР Владимир Завалин, данная программа разрабатывается в целях совершенствования системы профилактических мер антитеррористической и антиэкстремистской направленности, укрепления и дальнейшего распространения норм и установок толерантного сознания и поведения, формирования уважительного отношения к этнокультурным и конфессиональным различиям.

Комплексные, системные действия, в основе которых лежит программно-целевой метод, в сферах национальной, миграционной, молодёжной, информационной политики, образования, охраны порядка, взаимодействия местных сообществ позволит избежать межэтнических обострений в республике. В частности, предполагается проведение просветительской работы среди жителей республики, направленной на распространение адекватных знаний и представлений об истории и культуре народов Удмуртии и России, о многонациональности Удмуртской Республики.

В настоящее время сохраняется в целом благоприятный климат межэтнических отношений между этносами, исторически проживающими на территории Удмуртии. Вместе с тем межэтнические отношения, являясь важной частью общественных отношений, в развивающемся, модернизирующемся государстве находятся в постоянной динамике и требуют внимания и системного регулирования.